

A mouse in a box is like a warlord in a city (mice as characters of Russian folklore)

E. V. Spiridonova¹, N. V. Obnorskaia¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-388-397

Research article
Full text in Russian

Mice have accompanied a man throughout much of his history. With the advent of agriculture, mice are pests that must be exterminated by any means and rational means of extermination coexisted with magical ones. Unlike real life, in folklore and cult practice it is a complex and ambiguous character. Mice were used in divination, conspiracies and folk medicine, their image was often associated with death and evil spirits. At the same time, in fairy tales the mouse often acts as a helper, rather than a pest. All this proves the binary perception of mice which were close to the mythological world and its inhabitants and, accordingly, acted as bearers of both harm and good.

Keywords: mice; folklore; fortune telling; omens; rituals

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spiridonova, Elena V. | E-mail: selenavlad@gmail.com
| Cand. Sc. (History), Associate Professor

Obnorskaia, Nina V. | E-mail: obnor1@mail.ru
| Cand. Sc. (History)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Мышь в коробе как воевода в городе (мышь как персонажи русского фольклора)

Е. В. Спиридонова¹, Н. В. Обнорская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-388-397
УДК 94(47)+ 801.81

Научная статья
Полный текст на русском языке

Мыши сопровождают человека на протяжении значительной части его истории. С появлением земледелия они превращаются во вредителей, которых следует извести любым способом, причем рациональные средства истребления сосуществовали с магическими. В отличие от реальной жизни, в народном фольклоре и культовой практике это сложный и многозначный персонаж. Мыши использовались в гаданиях, заговорах и народной медицине, их образ часто был связан со смертью и нечистой силой. В сказках мышь чаще выступает в качестве помощника, а не вредителя. Все это свидетельствует о бинарном восприятии мышей, которые были близки к мифологическому пространству и его обитателям и, соответственно, выступали подателями как вреда, так и блага.

Ключевые слова: мыши; фольклор; гадания; приметы; обряды

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спиридонова, Елена Владиславовна | E-mail: selenavlad@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры всеобщей истории

Обнорская, Нина Владимировна | E-mail: obnor1@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
отечественной средневековой и новой истории

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-018).

Мыши – давние спутники человека. С появлением земледелия они стали одними из главных врагов запасов зерновых, без которых человек уже не мог существовать. Считается, что кошка была одомашнена именно для борьбы с мышами.

¹ В основу статьи лег доклад на VII всероссийском научном семинаре «Фольклор как отражение повседневного» (Оренбург, 29.03.23)

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В народном фольклоре «мыши» – обобщенное бытовое название разных видов мелких грызунов. Кто-то из них предпочитает селиться в домах человека, кто-то живет рядом, наведываясь в амбары и на скотные дворы, где можно поживиться за счет запасов, предназначенных для людей и домашних животных. Например, в не самой плодородной Вологодской губернии в конце XIX в. домохозяева теряли от мышей в среднем по два пуда зерна в год [1, с. 549].

Кроме непосредственно продуктов питания и их запасов, посевного материала и корма скоту, мыши могли портить мебель, книги, свечи, одежду: грызли и пачкали. Траченную мышами солому из-за запаха не хотела есть скотина [2, с. 299], лошади могли случайно съесть устроенные в сене мышьиные гнезда и заболеть [3, с. 21]. Разоряли мыши и соломенные крыши, портили кожи, овчины.

Нашествия мышей, вызывавшие голод и падеж скота, зафиксированы в летописях. Так, например, в Никоновской летописи под 1309 г. читаем: «Того же лѣта мышъ поѣла рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и всяко жито; итого ради бысть дорого въвелѧ, и меженина зла, и гладь крѣпокъ по всей Русской землѣ, и кони и всякъ скотъ помре» [4, с. 177]. В одном из сборников XVII в. с выписками из летописей о временах Ивана Грозного о 1560-х гг. имеется следующая запись: «Того жъ лѣта прииде на Казанскіе, да на Свіяжскіе, да на Чебаксарскіе мѣста мышъ малая съ лѣсовъ, что тучами великими, и поядош на полѣ хлѣбъ всякой и не оставиша ни единого колоса; да и нетокмо по полемъ, и въ закромахъ хлѣбъ поядоша» [5, стлб. 285] и т. д.

Весь наносимый мышами вред не способствовал лояльному отношению к ним людей, а их упоминание, как считали, могло накликать напасть.

Русское слово «мышь» восходит к единому индоевропейскому корню со значением «серый» и является одним из древнейших табуистических названий животных. Примечательно, что даже в XIX в. в Олонецкой губернии был зафиксирован обычай не говорить за столом о мышах, если же разговор о них заходил, то их названия заменяли местоимениями «она», «ее» [6, с. 154]. В повседневной жизни в русской деревне мышей чаще называли «гнусом», «гадом» или «плюгавкой», что отражало негативное отношение к животным, которых считали погаными [7, с. 374]. Если мышь падала в молоко или масло, то продукт выливали, а брать воду из колодца, в который упала мышь, осмеливались только после освящения [1, с. 175–176].

Негативной была роль мыши в народно-христианской мифологии. Бытовала легенда, что во время всемирного потопа дьявол «вошел» в собаку, которая вычихнула мышь, и последняя стала грызть дно Ноева ковче-

га. Это увидел лев, который вычихнул кошку, съевшую мышь и спасшую всех обитателей ковчега [8, с. 114]. По другой версии, сам дьявол превратился в мышь и прогрыз в ковчеге дыру. Увидевший это ангел обернулся ужом, подполз к дыре и заткнул ее хвостом [9, с. 458].

По мнению вологодских жителей, летучие мыши – обычные мыши, наевшиеся просфор и наказанные богом, давшим им «дьявольскую обрзину» [10, с. 339].

Длительное соседство и ощутимый вред, причиняемый грызунами человеку, не мог не вписать мышей в фольклор и повседневные практики крестьян. При всем вреде, наносимом грызунами, использовалось не так уж много способов борьбы с ними. Самым действенным было заведение кошек, а также разнообразные мышеловки. Еще в расходной книге Патриаршего Дворцового приказа начала 1640-х гг. указывалась плата торговому человеку лапотного ряда за «колоды, чем ловят мышей» [11, с. 67]. Еще одним способом затруднить мышам доступ к зерну было строительство амбаров «на столбах» [8, с. 471]. Мышей, как и крыс, травили. В Тверской губернии, например, брали 3 золотника мышьяка (около 13 граммов) и бросали его на раскаленные угли в печь. На три дня уходили из дому, а по возвращении все отмывали от «следов мышьяка» и выкидывали мертвых грызунов [2, с. 90].

Помимо рациональных средств, активно использовались магические способы защиты от грызунов. Так, в Череповецком уезде Новгородской губернии, чтобы мыши не ели хлеб в амбаре, на дно закровов клали щепочку и плоский камешек и повторяли три раза фразу: «Вот вам, мыши, щепочка да щерочка, грызите их, а моего хлеба не троньте» [12, с. 175–176]. Чтобы мыши не «точили» хлеб в скирдах, под них клали венки, которые девушки плели на Троицу [6, с. 40]. Столь же действенными считались и полевые цветы, которые на Троицу носили в церковь и сохраняли потом до осени, чтобы положить под закладываемый на хранение хлеб [13, с. 429]. На Коляду ставили по углам избы необмолоченные снопы, а на стол клали чересло плуга, для того чтобы мыши и кроты не портили нив [9, с. 335]. Заклиная мышей, знахарь брал пучок колосьев, клал его в печь и зажигал раскаленной кочергой, полученная зола высыпалась потом в скирды и стога [9, с. 487].

Считалось, что мышей можно отвадить от своего хозяйства, «передав» их кому-нибудь другому. Для этого надо было отрезать кусок хлеба от ковриги, попорченной мышами, и есть этот кусок, идя от своего двора к тому дому, куда предполагалось «переселить» мышей [13, с. 198].

У крестьян Калужской губернии был зафиксирован такой способ выяснить, попортят мыши запасы хлеба зимой или нет: при закладке

зерна на хранение надо было кого-нибудь внезапно спросить, в какой день было Рождество или Благовещение. Если спрашиваемый не помнит, то мыши не тронут хлеб, а если ответит – «источат весь» [13, с. 263].

Помимо запрета на упоминание мышей за столом, имелись и другие табуированные действия, направленные на защиту от мышей. Например, в амбаре не ели хлеб, а при засыпке зерна в закрома нельзя было держать край мешка зубами [12, с. 175–176]. Нельзя было сжигать поломанные ложки и мутовки для мешания сметаны, в противном случае в кринку с молоком могла попасть мышь [2, с. 89]. Чтобы мыши не грызли пряжу, женщины не пряли на Масляной неделе [9, с. 147].

В разных местностях России было зафиксировано значительное количество примет, связанных с мышами, большинство из которых имели негативный оттенок. Очень широко бытовало поверье, что, если мышь погрызет чью-то одежду, это сулит ее владельцу несчастья и даже смерть [14, с. 250, 381; 15, с. 496; 3, с. 267]. Также смерть сулила и пробежавшая по человеку мышь [8, с. 477]. Услышать, как мыши что-то грызут, – к несчастью [2, с. 281, 320; 13, с. 261]. Плохой приметой было увидеть мышь, отправляясь в дорогу [1, с. 486]. Мышиный писк предвещал несчастья, вплоть до смерти кого-нибудь из домочадцев, хотя в других местах мог рассматриваться как предвестник новостей [6, с. 285; 21, с. 497]. Появление большого количества мышей предвещало неурожайный год [6, с. 169; 21, с. 259]. Считалось, что перед пожаром мыши уходят из дома [12, с. 172].

Однако не все приметы были негативными. По действиям мышей гадали о предстоящих ценах на хлеб или отдельные его сорта: какой хлеб мыши больше грызут, тот будет дороже [6, с. 285]. По тому, какую часть испеченного караваля погрызет мышь, определяли будущий урожай: погрызет сверху – к неурожаю и дороговизне, снизу – к обилию хлеба и дешевой цене [16, с. 195]. Если полевая мышь сохнет на ниве гнездо высоко – к неурожаю, свитое низко гнездо обещало хороший урожай [7, с. 374].

Гадали по мышам и о погоде: если мыши во льне гнездо сохнут, в зиму больше снега будет [7, с. 374]. Тихо сидящие в норках мыши предвещали ненастье, а пищущие и бегающие ночью – солнечный денек [14, с. 310].

Торговые крестьяне и даже некоторые купцы верили, что если какой-то купленный товар будет попорчен мышами, то его вскорости и с прибылью можно будет продать [17, с. 146].

В лечебной магии мышей как грызунов связывали в первую очередь с состоянием зубов. Зубы могли заболеть, если мышь ночью поест небранные остатки ужина, однако, если съесть что-то, погрызенное мышью, зубы окрепнут [16, с. 195]. Когда у ребенка начинали меняться зубы, вы-

павший молочный зуб надо было кинуть за печь с приговоркой: «Мышка, мышка! На тебе зуб репяной, а ты дай мне костяной». Считалось, что от этого зубы растут быстрее и не болят [17, с. 103].

Знахарские способы использования мышей не ограничивались зубами и были порой весьма жестокими. Действенным средством от болезни в Череповецком уезде Новгородской губернии была подвешенная на нитку на шее больного мышь, которой живой проделали эту нитку «из глаза в глаз» [12, с. 192]. В Псковской губернии при пупочной грыже у ребенка ему на живот сажали мышь [6, с. 251]. В Рязанской губернии больного чешоткой натирали пеплом от сожженной головы мыши [18, с. 415]. В Ярославской губернии с помощью мышей лечили от пьянства: бутылку водки надо было настоять на новорожденных мышатах и давать пьянице эту водку по рюмке в день. Как закончится водка, пропадет и пагубное пристрастие [19, с. 208].

Фигурировали мыши и в заговорах от детской бессонницы. Например, в Карелии было записано несколько вариантов, в том числе такой: «Мышка-игрушка, ты пошутила над рабом Божьим младенцем (имя). Я, раба Божья (имя), отщучу над тобой. На-ко топорок, да ножичек, да палочку, и работай во всю ночь. Не спи и дай рабу Божьему младенцу (имя) спать, не просыпаться и в ночное время не потягаться. И будьте, мои слова, крепки и емки. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь» [20, с. 57].

Поскольку мыши ассоциировались с ворами, крадущими хлеб, их нередко использовали в магических ритуалах, способствующих выявлению и наказанию воров. Например, для обнаружения вора в Ярославской губернии брали новый только что купленный горшок и сажали в него мышь. Первый пришедший после этого в дом посторонний и считался подозреваемым в краже [19, с. 398]. Для наказания воров в разных губерниях существовал похожий обычай, который, хоть и считался богохульным, но действенным. Пойманную мышь либо в запечатанной бутылке, либо просто вмазывают в чело печи (стенка над устьем печи). Считалось, что «как мышь от жару будет карать, так и вора будет карать». Или верили, что по мере того, как будет сохнуть мышь, будет сохнуть и вор [19, с. 416; 22, с.410].

Таким образом, с одной стороны, с мышами особо не церемонились, уничтожая и выживая из дома и двора разными способами. Однако здесь могла таиться и опасность. Домовой, в которого верили многие крестьяне, мог оборачиваться разными животными, в том числе и мышью. В таком случае его убийство в виде грызуна сулило бы дому несчастье. Поэтому все же предпочитали передоверять отлов мышей кошкам, лучше

ладящим с домовыми и способным разобраться, где грызун, а где «хозяин дома» [21, с. 212–213].

Мышей связывали не только с домовыми, но и с прочей нечистой силой. Леший в быличках нередко выступает как гуртовщик, пастух, повелитель мышей. В некоторых вариантах вместо лешего фигурирует св. Николай [22, с. 95–96]. В Пошехонском уезде Ярославской губернии была записана легенда о том, как одна баба высидела мышей из «чертовых яблок», т. е. картофеля [14, с. 379]. В облике мышей выбирались по ночам из своих могил колдуны и ведьмы [1, с. 1236]. Немало быличек повествует о чертях, которые встречают душу умершего колдуна, сидя в образе мыши в вырытой для него могиле [23, с. 348].

В мышь после смерти могла обращаться душа умершего, причем касалось это не только ведьм или колдунов. В Нижегородской губернии Млечный путь называли Мышины тропы, что, по мнению А. Н. Афанасьева, свидетельствовало о древнейшем представлении душ мышами [9, с. 1071]. Отсюда и ассоциация мышей со смертью: «Смерть, как мышь, голову отъест»; «Живем, пока мышь головы не отъела» [7, с. 374–375].

Как хтонический персонаж, связанный с нижним миром, в мифологии мышь нередко является противником Громовержца. Недаром, чтобы в доме не заводились мыши, для строительства советовали использовать «пируновыя» деревья, т. е. поваленные грозой [22, с. 95–96].

С другой стороны, разящую молнию тоже часто ассоциируют с острыми мышинными зубами [9, с. 455]. В. Н. Топоров пишет, что во многих легендах мыши падают с неба именно во время грозы, но позднее, при трансформации Громовержца отцом мышей становится дьявол, соответственно матерью мышей оказывается ведьма или, ранее, жена Громовержца: «разные женские персонажи, которые могут рассматриваться как трансформации жены Громовержца (Мокошь, Параскева Пятница, баба-яга и т. п.), оказываются связанными именно с мышами» [24, с. 52, 57].

Совсем другую ситуацию мы видим в сказках. В частности, в сборнике русских народных сказок, собранных А. Афанасьевым, мыши упоминаются в 16 сказках. В 7 из них мыши сами по себе роли не играют, это атрибут кошки, которая ловит/не ловит мышей («Кот и лиса», «Медведь, собака и кошка» [25, с. 51, 53, 72], «Мудрая жена», «Три копеечки» [26, с. 130, 134]); собаки, которую прогнали со двора и она вынуждена питаться полевыми мышами («Собака и дятел» [26, с. 80]); дурака, который, отправившись с братьями на охоту, стреляет мышей да ворон («Мертвое тело» [27, с. 117]) и нечистого, который превращается в мышь, чтобы помочь главному герою («Елена Премудрая» [26, с. 201]).

В двух сказках мышь выступает в роли вредителя-трикстера: разбивает золотое яичко («Журочка» [25, с. 83]) или, в зачине сказки про Морского царя и Василису Премудрую, обманывает, грабит и выгоняет из дома воробья, что приводит к войне зверей и птиц [26, с. 146, 157, 416]. Правда, в одном из записанных А. Н. Афанасьевым вариантов этой сказки злодеем оказывается воробей, а мышь его жертвой [26, с. 142].

В одной сказке мышь является одним из основных положительных персонажей («Терем мухи» [25, с. 104–105]).

В шести сказках мышь – помощник. Просто так, без всякой платы она предупреждает царевича о сестре-людоедке и помогает ему скрыться («Ведьма и солнцева сестра» [25, с. 111]). Накормленная кашей, помогает падчерице обмануть медведя («Дочь и падчерица» [25, с. 118], «Медведь и девушка» [27, с. 223]) или бабу-ягу («Баба-Яга» [25, с. 124]) и получить богатство, за денежку помогает главному герою рассмешить Несмеяну-царевну [26, с. 333]. В сказке про волшебное кольцо мышь действует под угрозой смерти от когтей кота или вороненка, но все равно помогает раздобыть кольцо, украденное злодейкой-женой у главного героя («Волшебное кольцо») [26, с. 35, 41–42, 395]. Кстати, в последней сказке царевна с похищенным кольцом скрывается в мышинном царстве.

Любопытное толкование этой сказке давал сам Афанасьев, видя в спасении героя смену времен года: «Похищенное зимними туманами, оно [кольцо] снова возвращается к нему благодаря дружным усилиям собаки, кошки и мыши, т. е. не прежде как весной, когда появляются молниеносные тучи: мышь-молния грызет демона-похитителя и заставляет его выпустить из своих рук драгоценное кольцо, собака-вихрь и кошка-гроза подхватывают сокровище, переплывают морские воды (дождевые тучи) и вместе с кольцом возвращают торжествующему герою свободу и счастье» [9, с. 458].

По сути, из девяти сказок, где мышь является одним из действующих лиц, в семи или восьми она действует как положительный или нейтральный персонаж, вольный или невольный помощник главного героя. Да и эпитеты, которыми награждается мышка, далеки от негативных: «мышенька», «мышка–стрижка», «мышка-норушка», «мышечка-тютюрюшечка». А вот злая сестра падчерицы, которая называет мышь гадиной и бьет ее скалкой, помощи не получает и погибает [25, с. 118].

Таким образом, можно сделать вывод, что, в отличие от реальной жизни, где мышь выступает как явный вредитель, в фольклоре и культовой практике это гораздо более сложный и многозначный образ.

Как хтонический персонаж она связана со смертью, громовежцем или, позднее, его негативным воплощением. Мышь используется в гадани-

ях и народной медицине, она связана с нечистой силой, с домовым. В сказках она чаще выполняет функции помощника, чем вредителя. Двойственность данного персонажа приводит к тому, что даже избавляться от него крестьяне предпочитали «бескровными» методами – не пустить в дом, отвести к соседу, а если уж и убить, то чужими руками, посредством кошки, которая и сама имеет явную связь с мифологическим пространством.

Ссылки

1. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 684 с.

2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 568 с.

3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 4: Тихвинский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2011. 512 с.

4. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т.10. СПб., 1885. 256 с.

5. Русская историческая библиотека. Т. 3. СПб., 1876. 542 с.

6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 600 с.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: РИПОЛ классик, 2006. 784 с.

8. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 4: Тотемский, Устьсыольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 808 с.

9. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.: Эксмо, 2008. 1520 с.

10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 624 с.

11. Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриаршских приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/1641 года // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 5–97.

12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 3: Череповецкий уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. 592 с.

13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. 647 с.
14. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 1: Ярославская губерния. Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 608 с.
15. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. 524 с.
16. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.
17. Предания о народных русских суевериях, поверьях и некоторых обычаях. М.: типография Сергея Орлова, 1861. 184 с.
18. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индик. 1997. 912 с.
19. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 2: Ярославская губерния. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 552 с.
20. Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2000. 276 с.
21. Власова М. Н. Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.
22. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 248 с.
23. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. 697 с.
24. Топоров В. Н. Мовом «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 28–86.
25. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.
26. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. 464 с.
27. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 3. 496 с.